

РЕГУЛИРОВАНИЕ ВОПРОСОВ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ ВНУТРИ КРЯШЕНСКОЙ (КРЕЩЕНО-ТАТАРСКОЙ) ПОЗЕМЕЛЬНОЙ ОБЩИНЫ ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Особое значение в социальной и хозяйственной жизни крещено-татарского сельского населения во второй половине XIX – начале XX в. имели вопросы регулирования имущественных отношений и землепользования внутри поземельной общины. По формам распределения земельных наделов у них выделялись земли, переделывавшиеся периодически, к которым относилась основная часть посевных площадей, сенокосов и лесов и участки, исключавшиеся из передела. Земля распределялась по ревизским душам или по тяглу. Преобладающей была паровая зерновая система земледелия с трехпольным севооборотом. Вплоть до второй половины XIX в. у крещеных татар не было четкого хронологического периода передела общественных земель. Он мог варьироваться от нескольких до 25 лет. С 1880-х гг. все больше крестьян переходят к уравнильной системе распределения земли по наличным душам мужского пола. Некоторые коррективы в традицию общинного землепользования внесла столыпинская аграрная реформа, вследствие проведения которой в отдельных селениях появились единоличные хозяйства, порвавшие тесную связь с сельской общиной. Несмотря на эти локальные изменения вплоть до революционных событий 1917 г. у крещеных татар продолжала доминировать коллективная, общинная форма собственности на землю.

Ключевые слова: история российского крестьянства, обычное право, история крещеных татар, земельные отношения в Волго-Уралье.

Известный дореволюционный правовед П.П. Чубинский, оценивая специфику правовой культуры российского крестьянства, писал в начале 1870-х гг.: «Общая черта народного обычного права та, что оно служит выражением не формальной, а материальной правды. Народ – художник; все то небольшое, что он имеет, добыто тяжелым трудом. Все это плод сбережений, сделанных часто на счет необходимых потребностей. Поэтому-то всякое имущество рассматривается в тесной связи с личностью. Поэтому-то всякое имущественное нарушение является в глазах народа как бы нарушением прав личности» [1, с. 29]. Именно тесная связь имущественных отношений с важнейшими сферами жизнедеятельности сельского труженика предопределила то ключевое положение, которое занимало правовое регулирование вопросов собственности и землепользования внутри поземельной общины в крестьянском обычном праве.

К числу наиболее значимых вопросов, входивших в компетенцию общины, относились распределение земельных наделов, передел пашен и сенокосов, пользование лесами, выгонами, разрешение земельных споров, связанных с нарушением межевых границ, захватом чужих участков [2, с. 65]. Особую актуальность

эти вопросы приобрели в пореформенный период, когда вследствие государственных реформ в аграрной сфере, проведенных в 1860-х гг, количество душевого земельного надела у крещеных татар существенно уменьшилось. После реформы 1866 г. татарские хлебопашцы получили значительно меньше земли, чем прежде, – всего 3,9–5,5 десятины на душу. К концу XIX в. наделы стали еще меньше – среди всех групп бывших государственных крестьян у татар был самый большой процент малого надела. Земельная обеспеченность кряшен в разных уездах также сильно различалась. Например, в Лаишевском уезде в среднем она составляла 3,39, в Мамадышском – 3,13, в Чистопольском уезде Казанской губернии – 3,8, в Мензелинском уезде Уфимской губернии – 4,1 десятины на душу. В первых двух уездах наделной земли у крещеных татар было даже меньше, чем у других групп татар (соответственно 3,46 и 3,23) и русских (соответственно 3,91 и 4,29) [3, с. 31–32].

По формам распределения земельных наделов в XIX – начале XX вв. у кряшен выделяются: 1) земли, переделывавшиеся периодически, к которым относилась основная часть посевных площадей, сенокосов и лесов; 2) участки, исключавшиеся из передела, к числу которых,

за исключением отдельных случаев, относились приусадебные участки (огороды и сады) [4, л. 144–145; 5, л. 61]. Преобладающей была паровая зерновая система земледелия с трехпольным севооборотом. Лишь в отдельных деревнях Мамадышского уезда Казанской губернии в пореформенный период земством были предприняты попытки внедрения четырехпольного севооборота. Вплоть до конца XIX в. в отдельных местах сохранялись и элементы архаичной системы земледелия (лесопольная). Так, в Черкасовской волости Елабужского уезда Вятской губернии, наиболее густо заселенной кряшенами, повинных земель, расчищенных из-под леса, было более 4 тыс. десятин. В Мензелинском уезде Уфимской губернии в число распаханых под пашню 2454 десятин леса вошли и лесные участки 40 деревень кряшен [3, с. 33].

Земля в кряшенской сельской общине до 1880-х гг. распределялась по ревизским душам или по тяглу. Земля делилась на десятины, сотки и загоны. Соприкасающиеся десятины разграничивались небольшими головниками (дорожками), достаточными для того, чтобы по ним можно было проехать с возом и сохой. Надельные участки в свою очередь отделялись друг от друга рубежами и межами.

Вплоть до второй половины XIX в. у кряшен не было четкого хронологического периода передела общественных земель. Он мог варьироваться от нескольких до 25 лет. С 1880-х гг. все больше крестьян переходят к новой уравнивательной системе распределения земли по наличным душам мужского пола. Уже к концу 1880-х гг. большинство кряшен Лаишевского, Мамадышского, Чистопольского уездов Казанской губернии, Елабужского уезда Вятской губернии внедряют в свою хозяйственную практику эту систему [3, с. 33]. Указом от 8 июня 1893 г. официально срок между коренными земельными переделами был определен в 12 лет [3].

Главной целью передела было справедливое распределение земли между общинниками, а ее периодичность связывалась с постоянным увеличением числа лиц мужского пола, достигших совершеннолетия и претендовавших на свою долю общинных земель. Перед переделом собирался сход, на который приглаша-

лись исключительно домохозяева или лица заменяющие их. Последние, впрочем, обладали только совещательным голосом. При необходимом кворуме и желании большинства переделить землю составлялся приговор, утверждавшийся сельским старостой [5, л. 60–61]. Земля делилась по жребию. Все поля делились на большие участки, достающиеся отдельным группам крестьян (имана) в 8–10 человек. Большие участки вновь по жребию распределялись между ними. На доставшемся участке ставился родовой знак (тамга), обозначающий право временной собственности на землю [3, с. 34]. К началу XX в. при переделе начинает учитываться качество земли. За унавоженные полосы должны были даваться такие же по качеству наделы [5, л. 59].

Сложившиеся нормы обычного права и традиции крестьянского землеустройства далеко не всегда позволяли провести акт перераспределения земли гладко и без конфликтов. Еще более жесткие конфликты возникали в результате споров между соседними общинами. Предметом спора часто выступали пограничные земли, права собственности на которые были ранее не определены, что давало основание претендовать на него обеим общинам. В таких случаях решить спор полюбовно часто не удавалось. В результате конфликт перерастал в противостояние, принимая характер борьбы с настоящими боями и смертоубийством. Например, в начале XX в. между жителями с. Гороховое Поле и дер. Дюртели-Субаш Мамадышского уезда Казанской губернии возник спор за участок ранее не обрабатываемой «земли Баянова». Не найдя мирного решения вопроса и посчитав свои права нарушенными, субашевские крестьяне, вооружившись топорами и лопатами, напали на соседей, когда те очищали спорную землю под пашню. Локализовать беспорядки удалось лишь после введения сюда воинской команды и раздела спорной земли между жителями соседних кряшенских селений [7, л. 416]. Подобный спор возник между крестьянами с. Три Сосны и дер. Старая Икшурма (жители крещеные татары, татары-мусульмане и русские) того же уезда. В ходе схода жители с. Три Сосны решили добиться положительного решения вопроса о спорном участке с помощью силы. Собравшись

и вооружившись подручными средствами, они пошли в сторону дер. Старая Икшурма. По пути их встретили староикшурминцы; завязалась кровавая драка, в ходе которой серьезно пострадали несколько человек. В конечном итоге после приезда полиции и судебного разбирательства дела земля досталась общине дер. Старая Икшурма, а несколько жителей с. Три Сосны были привлечены к уголовной ответственности за покушение на убийство и нанесение тяжелых увечий во время массовой драки [8, л. 287].

Наряду со спонтанными акциями вооруженной борьбы за спорную землю среди кряшен фиксируются случаи, когда жители соседних деревень заранее договаривались решить этот вопрос с помощью силы. Один такой случай, относящийся к концу XIX в., привел в своем этнографическом сочинении житель с. Албаево А.К. Москвин: «Крестьяне нашего села годов тридцать тому назад спорили из-за земли с соседней деревней. Большое поле, принадлежащее нашей деревне, засевалось соседней деревней. Крестьяне нашего села несколько раз просили отдать землю, принадлежащую нам, но они все продолжали засеивать. Наши обращались и к начальству. Начальство разрешило засеивать нам, но они делали свое. Тогда наши рассердились, собрали сход и послали одного человека в соседнюю деревню, чтобы все они вышли драться на это поле. Уговор был такой, что, если кто победит, тому достанется земля. И вот они назначили какой-то день, и вышли на битву. Сначала у них пошел спор, а потом сразилась битва. Битва продолжалась целый день, и победа оказалась на нашей стороне. Было из противников трое убитых и восемь человек раненых, из них некоторые померли» [9, л. 384].

Сенокосные поля разделялись в зависимости от места их расположения на несколько равномерных участков. Их перераспределение между членами общины проводилось ежегодно [10, л. 38]. Существовал и другой способ коллективного использования лугов. Если их качество сильно разнилось, крестьяне предпочитали совместно убирать и заготавливать сено, которое затем равномерно распределялось между дворами [4, л. 146].

В большинстве кряшенских селений не выделялось особых общинных участков для пасть-

бы домашнего скота. В качестве пастбищ использовались земля, бывшая в это время под паром, скошенные сенокосные участки, убранные поля, пойменные участки реки, лесные опушки и т. д. Пастьба осуществлялась централизованно по решению мира [10, л. 38]. Скот пасли либо по очереди, либо нанимали особого пастуха. Выгонять свой домашний скот на общественное пастбище имели право и члены общины, у которых не было наделной земли [5, л. 61].

Некоторые коррективы в традицию общинного землепользования кряшен внесла столыпинская аграрная реформа (1906–1911 гг.). Ее проведение было направлено на создание в деревне предприимчивого и независимого частного собственника, постепенное упразднение сельской общины как коллективного собственника земли, ликвидация земельной чересполосицы. В ходе реформы в 1907–1909 гг. всего по Казанской губернии из общины вышли 17821 домохозяин. К этому времени за ними числилось 96682,1 десятины пашни и 23544,2 десятины прочих угодий [11, с. 75]. Случаи закрепления земельного надела в частную собственность отмечались и среди местного кряшенского населения Мамадышского и Лаишевского уездов. Схожие процессы наблюдались также в Мензелинском уезде Уфимской губернии [12, л. 442]. В результате, в этих селениях нарушалась прежняя система коллективного землеустройства – община должна была предоставить крестьянам, решившим вести единоличное хозяйство, полагающийся им земельный участок. Таким образом, эти земли исключались из общинного фонда, на них не распространялись переделы. Это имело большое значение для собственника – теперь он без оглядки на мир мог развивать свое хозяйство, согласуясь с изменяющимся спросом и экономическими реалиями времени, внедрять новые агротехнические методы, не опасаясь лишиться своего участка при следующем переделе, улучшать качество земли. В то же время он лишался поддержки мира, мог полагаться только на себя, что в условиях системы рискованного земледелия таило серьезные угрозы и риски. В целом, предложенная государствам новая модель системы земельной собственности плохо приживалась среди кряшен. В большинстве их селений практически не отмечались случаи

отказа от прежних общинных порядков. Там же, где такие случаи фиксировались, общее количество вышедших из общины было незначительным: 3–5% от общего числа жителей [7, л. 416; 12, л. 401]. Одним из показателей непопулярности новой формы организации хозяйствования было крайне негативное отношение основной массы сельского населения к крестьянам-единоличникам. Вскоре после революционных событий 1917 г. в некоторых кряшенских деревнях произошли захваты земель хуторян и включение их вновь в общинную систему землепользования [7, л. 416].

Формы и сам характер сложившейся системы землепользования и связанные с ней нормы обычного права у крещеных татар формировались на протяжении многих столетий под воздействием их социальной и хозяйственной жизнедеятельности. Аграрный способ производства и особая общинная крестьянская ментальность наложили заметный след на эту важную сферу регулирования имущественных отношений в деревне, определили сохранение доминирующего положения коллективной формы управления и пользования землей.

12.12.2014

Список литературы:

1. Чубинский П.П. Краткий очерк народных юридических обычаев, составленный на основании прилагаемых гражданских решений // Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, снаряженной Императорским Русским географическим обществом. Юго-Западный отдел. Материалы и исследования собранные д. чл. П.П. Чубинским. Т.6. – СПб., 1872.
2. Денисова Н.П., Иванов В.П. Обычное право и народное правосознание // Чуваши: история и культура. Т.2 / отв. ред. В.П. Иванов. – Чебоксары, 2009.
3. Мухаметшин Ю.Г. Татары-кряшены. Историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX– начало XX в.). – М., 1977. – С.31–32.
4. Данилов Ф.Ф. Материалы о занятиях крестьян деревни Хозесаново Старотябердиновской волости Цивильского уезда Казанской губернии (21 октября 1921 г.) // Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. I. Ф. Н.В. Никольского. Д.314.
5. Гаврилов Н.В. Ответы на программу для собирания сведений о сельской поземельной общине, выработанную III отделением Вольного экономического общества и принятую Русским географическим обществом в 1879 г. (с. Черebaтырево Чистопольского кантона ТАССР) (1921 г.) // НА ЧГИГН. Отд. I. Ф. Н.В. Никольского. Д.311.
6. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета об утверждении правил мирских переделов // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. – Т.13. – №9754.
7. Чебышева Г.М. Этнографическая записка о жителях с. Гороховое Поле Мамадышского кантона ТАССР (1921 г.) // НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н.В. Никольского. Д.309.
8. Макарова М. Этнографическая записка о жителях с. Три Сосны Мамадышского кантона ТАССР от 17 сентября 1921 г. // НА ЧГИГН. Отд. I. Ф. Н.В. Никольского. Д. 309. Л.287.
9. Москвин А.К. Село Албаево Шеморбашской волости Мамадышского уезда Казанской губернии (17 сентября 1921 г.) // НА ЧГИГН. Отд. I. Ф. Н.В. Никольского. Д.309.
10. Никитин И.Н. Ответы на программу для собирания сведений о юридических обычаях М.Н. Харузина (дер. Иванаево Лаишевского кантона ТАССР) (1921 г.) // НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н.В. Никольского. Д.315. Л.38.
11. Зайнуллина Ф.Г. Татарская деревня Казанской губернии: социально-экономическая и этнокультурная трансформация (1861–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2008.
12. НА ЧГИГН. Отд. I. Ф. Н.В. Никольского. Д.216. Л.442.
13. Абрамова М.М. Этнографическое сочинение о жителях с. Шеморбаш Мамадышского кантона ТАССР от 1 августа 1921 г. // НА ЧГИГН. Отд. I. Ф. Н.В. Никольского. Д.309. Л.401.

Сведения об авторе:

Исхаков Радик Равильевич, старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, кандидат исторических наук

420014, г. Казань, Кремль, подъезд №5, каб.11, e-mail: Ishakov83@rambler.ru